

Русские «душечки»

- Борис Львович, в последнее время вы пишете исторические романы. Вас не интересует современность?

- Я не имею права писать о современности, потому что я сам в этой мешанине. Писатель должен сделать шаг в сторону. Понять - что, где, как, почему. Непонятное нельзя писать. Мне остается история. Но история - это еще и возможность передать то, что тебя сейчас волнует. Вот, например, у меня есть роман «Утоли мои печали» о тетке моей мамы, которая попала в Ходынку. Она мечтала быть журналисткой. Это было для меня сюжетом. Но главной была такая мысль - век девятнадцатый начался с рождения Пушкина. И он прошел под знаком Пушкина, это был золотой век России. А чем начинается двадцатый век? Ходынкой. И была Ходынка.

- Когда-то вы писали о Горбачеве и ставили его в один ряд с «деформаторами» Невским, Годуновым и Керенским. В какой ряд вы бы Ельцина поставили?

- Эту фигуру надо еще обдумать. Самая главная его ошибка, с моей точки зрения, что он гордо объявил, что будет вне партий. Монарх может быть без партии: ему есть на кого опираться - на дворянские шпаги. Наполеон? Но он был настолько гениален, что не боялся своих очень талантливых полководцев. А на кого рассчитывал опираться Ельцин? Нельзя без опоры, пустота под тобой будет. Многого можно было бы избежать, если бы у него была возможность советоваться.

- В 92-м году у вас вышла статья «Россия. Четыре книги бытия». Там вы сравнивали русских с чеховской Душечкой, которая постоянно чем-то искренне и с истовостью увлекается. Чем мы сегодня увлечены?

- Сегодня у нас нет никаких особых увлечений, кроме одного, очень меня пугающего. Мы - страна людей очень бедных и выросших из бедности, и, получив сейчас некую возможность зарабатывать (я имею в виду не только криминал), наш человек деньги сделал самоцелью. А деньги не самоцель, это средство. Пример - для Шлимана это было средством найти Трою.

Очередной рейс

- Борис Львович, до 54-го года вы были инженером-испытателем. Что испытывали?

- Танки.

- Почему вы ушли из армии?

- Все дело в том, что тогда в армии сложилась очень тяжелая ситуация. Вчерашние фронтовики были смелые люди, имели блестящие награды, но уровень образования у них был очень низкий. Некогда учиться было. И вот на смену этим ребятам стали приходить люди, окончившие академии. Шла очень болезненная замена офицерского состава. И фронтовики встречали новых в штыки. На моих глазах происходила трагедия: приехавшего человека просто травил - его, его молодую жену. И я написал свою первую в жизни пьесу. Отправил в Театр Советской Армии. А меня через неделю вызвали телеграммой. Я приехал, у меня была беседа с Алексеем Дмитриевичем Поповым, и он мне сказал: «Ты написал пьесу, сидя в зрительном зале. А пьесу надо писать, сидя на сцене. Ты не знаешь, что такое театр. Поэтому вот

Он очень редко бывает в Москве - живет на даче.

Дачу охраняет собака.

Если верить надписи на воротах - злая.

Его имя не мелькает ни в светской хронике, ни в писательских скандалах.

Другие писатели - о чудо! - говорят о нем только хорошее.

К нему необыкновенно подходит слово

«интеллигент». Сам Борис Васильев определяет интеллигенцию как «слой людей, которые умеют критически мыслить»

Борис ВАСИЛЬЕВ:

Я НЕ ЛЮБЛЮ УБИВАТЬ своих героев

Завтра прекрасному писателю и сценаристу - 75

тебе пропуск, тебе все покажут». Я ответил, что не могу - я же в Горках служу. Он сказал: «Ну, выбирай». И я выбрал.

Спектакль вышел, но на втором представлении он был запрещен без объяснения причин. Все обрушилось в одночасье - надо было жизнь начинать сначала. И меня Николай Погодин - такой был драматург советский - вызвал к себе и сказал: ты не унывай, я тут заведу сценарной студией при Главкино. Напиши сценарную заявочку. Я написал, был принят в эту студию. Там надо было за год написать сценарий. Я написал за полгода, это был «Очередной рейс». Сразу была снята картина, и я как-то поверил в это дело.

- Вы ходили на съемки фильмов?

- Вначале, во время «Очередного рейса», я там просто пропадал. Но все-таки это не то. Там ощущаешь себя фигурой очень уважаемой, но вторичной. И после трех-четырех картин мне вдруг перестало нравиться писать сценарии. А прозы я очень боялся. В нашей семье к литературе было отношение, что просто ничего нет выше ее. И я боялся: как это - писать прозу? Тем более что у меня инженерное образование. И я учился сам. Изучал фразы Тургенева, Чехова. Написал «А зори здесь тихие...». Заклеил в конверт и отправил в «Юность». Меня разбудили звонком в полседьмого утра. Так что я человек счастливый.

Тихие зори

- Кажется, что вы намеренно избегаете счастливых концовок в своих книгах, убивая героев. С чем это связано?

- Во-первых, я - сын европейской культуры. Европейская культура так глубока, что в счастливых концах не нуждается. В них нуждается обыватель. Вот Америка - страна с очень низкой культурой, там заранее знаешь, что, что бы ни случилось с тем, кто мечется по экрану, он будет жив и поцелуется со своей невестой. В 99 процентах из ста. Советская литература у нас тоже была построена для обывателя. И наш потенциальный советский читатель и зритель успели обрести огромной носорожьей кожей.

Кадр из фильма «А зори здесь тихие». Эти девочки обречены.

Комс. правда - 1999 - 20 мая - с.5

Когда в «Зорях» я столкнул девочек с откормленными немцами образца 42-го года, я с тоской понял, что девочки обречены

пьющих солдат. И ему прислали девушкеничиц. Ситуация. Забавная. Но дело происходит в сорок втором году, а я немец образца сорок второго хорошо знаю, мои основные стычки с ними происходили. Метр восемьдесят минимум, отлично вооруженные, знающие все приемы ближнего боя. И когда я столкнул их с девушками, я с тоской подумал, что девочки обречены. Потому что, если я напишу, что хоть одна осталась в живых, это будет жуткой неправдой. Там может выжить только Васков. Он нюхом чует, он здесь вырос. Они не могут выиграть, когда нас защищают ландшафт, болота, валуны.

- Вам нравится экранизация этой книги?

- Станислав Ростоцкий сделал хорошую картину. Но все-таки лучше всего «Зори» поставил Юрий Любимов на Таганке. Он сделал трагедию в открытом виде. Ростоцкий сам фронтовик, потерял на фронте ногу. Когда он картину монтировал, он плакал, потому что ему было девочек жалко. Там все же есть некий элемент сентиментальности. А у Любимова был спектакль совершенно страшный. После него

выходили молча. Шепотом говорили в фойе, как на похоронах.

- Вы говорите - трагедия, жанр взрослый. Но издавались «Зори» чаще всего в «Детской литературе».

- Я не рассчитывал, что моими основными читателями станут школьники. Просто Министерство образования включило эту книгу в хрестоматию. Китайцы тоже так делали - включили в свою программу обучения. На мой взгляд, так получилось потому, что там довольно открыто говорится: вот добро, вот зло. Все.

Красные шаровары

- Когда писались «Офицеры», вы могли себе представить, что этот фильм станет настолько знаковым, обязательным для программы всех военных праздников?

- Нет. У меня было ощущение, что фильм прочный. Для меня лично это дорогая штука, потому что я сам гарнизонный мальчик, там есть куски из моей биографии. Но я не предполагал, что у «Офицеров» будет такая звонкая судьба. Тут повезло, что точно были выбраны актеры. Это они сделали картину.

- Вы помните, как возникли в фильме «шаровары революционно красного цвета»?

- Сценарий был рассчитан на две серии. И там был разгром армии нашей в тридцать седьмом году. Мои герои оба сидели. Нам сказали, что это не пойдет, и режиссер Владимир Роговой решил строить фильм новеллами. В фильме же рассказывается про три поколения, и он подумал: хорошо было бы, чтобы каждый что-то такое получил. И вот часть первая, гражданская война. Режиссер говорит - давай его орденом наградим. Я говорю - нет, нельзя его награждать орденом, в то время это было равно званию Героя Советского Союза. Он спросил - а чем награждали тогда? - Да чем хочешь, вплоть до красных шароваров. Он говорит - вот! Наградим его красными революционными шароварами. К тому же «Офицеры» задумывались как цветной фильм. А красные шаровары так и остались серыми. Вот в чем трагедия-то этой картины!

Забятая ручка

- Борис Львович, у вас стоит компьютер. Для писателя еще советской школы это редкость.

- Знаете, я горжусь тем, что освоил компьютер. Мне было 72 года, когда мне его подарили, и я сначала решил, что не смогу на нем работать. А потом, когда я разобрался, что к чему, то понял, что это удобнее, быстрее, все чистенько. Сейчас уже даже забыл про ручку.

Валентина ЛЬВОВА.
Фото автора.

Борис Васильев у себя на даче.

Васильев Борис Львович. Родился в Смоленске, в семнадцать лет пошел добровольцем на фронт. Окончил военно-техническую академию бронетанковых и механизированных войск Советской Армии. До 54-го года был инженером-испытателем. В 1958-м выходит первый фильм по его сценарию - «Очередной рейс». Писал сценарии для картин «Офицеры», «Аты-баты, шли солдаты». Наиболее известны его повести «В списках не значился», «Завтра была война». Фильм «А зори здесь тихие...», снятый по книге Бориса Васильева, в 73-м был номинирован на «Оскар», но уступил «Скромному обаянию буржуазии». Любимый писатель Васильева - Чарлз Диккенс.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО